

На пути «Тайфуна»

Глава 1

18 сентября 1942 г.

Сталин сердито ходил по своему кабинету, в раздражении переключая из рук в руки пустую трубку. Причины для недовольства у него имелись более чем серьезные. Положение на юге стало просто катастрофическим, а ведь еще несколько дней назад в его силах было спасти ситуацию. Но он до последнего момента надеялся, что Гудериану удастся остановить Шапошников, которому Верховный так верил, утверждал, что Брянский фронт в состоянии помочь Юго-Западному, и что никакого окружения не будет. И он, Сталин, не стал прислушиваться ни к командующему фронту, ни к старому соратнику Буденному, возглавлявшему южное направление, считая, что они просто поддались панике.

Даже когда 12 сентября с Кременчугского плацдарма начала наступление немецкая танковая группа, сразу прорвавшая фронт, он все еще надеялся, что окружения удастся избежать. Достаточно только назначить нового главкома направления. Но новый главком — Тимошенко, тоже подтвердил, что нужно оставить Киев и как можно скорее отходить на восток. Вот только пока назначали нового командующего и пока он разбирался в текущей обстановке, драгоценные дни, когда еще оставалась возможность спасти хотя бы часть войск, были потеряны. Потом еще сутки шли согласования со Ставкой, и потому приказ об оставлении Киева, который был издан вчера, уже не имел никакого значения. Немцы замкнули кольцо окружения, в которое попали 450 тысяч человек. Без подвоза боеприпасов они смогут продержаться лишь несколько дней. К тому же большинство окруженцев были плохо вооруженными тыловиками, которые не в состоянии организовать устойчивую оборону. Хорошо, если хотя бы тысяч пятьдесят или шестьдесят из них смогут выйти из кольца окружения, а остальных, к сожалению, ждут гибель или плен.

Хотя ни один человек не осмелится сказать ему это в глаза, но Сталин знал, что в поражении советских войск на юге в конечном итоге виноват он, Верховный главнокомандующий.

Для исправления ситуации на фронте срочно требовалась помощь, но взять ее было неоткуда. Переговоры с Англией об открытии Второго фронта шли уже два месяца, но Черчилль упорно игнорирует все просьбы высадить свои войска в Западной Европе или прислать двадцать-тридцать дивизий в Советский Союз. Он даже не хочет провести операцию в Норвегии, мотивируя это недостатком кораблей у Великобритании — совершенно нелепая отговорка для Владычицы морей.

Наконец, Сталин принял решение и, не без некоторого колебания, подошел к столу. «Ну хорошо, — обреченно подумал он, — соглашусь на предложение Берии. Хуже от этого действительно не станет. В конце концов, я просто потрачу несколько минут».

Отбросив сомнения, Верховный, наконец, решительно поднял трубку прямого телефона и коротко приказал наркому внутренних дел:

— Лаврентий, неси.

Что нужно нести, пояснять не требовалось. Началось все несколько недель назад, когда Московский Патриарх предложил помощь церкви для борьбы с врагом. Он, к примеру, советовал поместить чудодейственные иконы в самолет, который должен облететь опасные места фронта. Разумеется, такого разрешения глава Советского государства дать не мог, да и смысла в подобной процедуре никакого не видел. Сталин сам когда-то учился в духовной семинарии и прекрасно знал, что хотя иконы и могут вылечить некоторые болезни, но лишь при условии, что человек искренне верующий и хорошо поддается внушению. Что же касается боевых действий, то примеры трех войн: Японской, Германской и Гражданской, наглядно показали, что церковь не в силах помочь одолеть противника в современной войне.

Впрочем, некоторого эффекта священники все равно смогли добиться: при малейшем успехе наших войск тут же распускались слухи о том, что помогла чудодейственная икона, которую недавно провозили вдоль линии фронта. Верующих солдат это действительно очень поддерживало, и потому с подобными слухами не боролись.

— Пусть говорят что угодно, хоть то, что у меня в кабинете икона висит, а на фронт ее возит мой личный самолет, — отшучивался Сталин, когда ему докладывали о подобных зарождавшихся мифах. Все равно все прекрасно знали, что вождь боится летать, и личного самолета у него никогда не было. — Если церковники смогут подбодрить хотя бы тысячу бойцов, то уже этим принесут огромную пользу стране.

Но вот что зацепило Верховного, так это предложение воспользоваться шкатулкой Велеса. Официально она называлась реликвией святого Николая, но на самом деле ее происхождение относится еще к эпохе дохристианской Руси. Когда в XIV веке Сергий Радонежский

уговорил князя Дмитрия вырубить священные дубовые рощи язычников и изгнать волхвов, то все предметы языческого культа были уничтожены, кроме одного, который якобы помогал стране независимо от того, какую религию в ней исповедовали. Использовал ли ее Дмитрий Донской, в летописях не сказано, но достоверно известно, что артефакт применяли во время Смуты в начале XVII века.

То, что христианский священник уговаривал воспользоваться языческой святыней, заставляло предположить, что она действительно может принести какую-то пользу. Поэтому, на всякий случай, Сталин распорядился шкатулку исследовать и держать наготове.

Нарком внутренних дел вошел в кабинет с чемоданчиком в руке, который нес лично, никому не доверяя. Он извлек из него небольшую шкатулку и, поставив на стол, начал объяснять:

— Сама коробочка значения не имеет, это новодел более поздней эпохи, а вот то, что в ней хранится — действительно вещь уникальная. Честно говоря, я не думаю, что ее могли изготовить древние славяне, да и вообще кто-нибудь в то время.

Артефакт представлял собой белый параллелепипед, размером с небольшую книжку. Только верхняя сторона у него была совершенно черной, с маленьким значком в уголке, похожим на стилизованное изображение головы быка. Видимо, отсюда и появилось легенда, связывающая этот предмет с богом скотоводства Велесом.

— Мы исследовали его всеми возможными методами, товарищ Сталин. Материал не похож на металл, но он очень твердый. Совершенно невозможно сделать скол образца. Его нельзя поцарапать даже алмазом.

— Да, вещь действительно очень странная, — согласился Верховный, — но вот только поможет ли она нам?

Сталин повертел в руках необычный предмет, на котором не имелось ничего похожего на тумблер или кнопку, и осторожно поставил на стол.

— Как его включить?

— Как мне объяснили... хм... священнослужители, глава государства просто должен сказать, что отечество в опасности и попросить помощи. После этого появится человек, который сможет нам помочь.

В СССР официальной должности правителя страны не имелось, но, заняв недавно посты председателя Совнаркома, Верховного главнокомандующего и председателя ГКО, Сталин, безусловно, стал полноправным главой государства. Поэтому Верховный без тени сомнения нагнулся поближе к странному предмету и отчетливо произнес:

— Отечество в опасности, очень нужна помощь. Срочно!

Тотчас на верхней стороне предмета появилось несколько строчек с непонятными символами, не похожими ни на один земной алфавит.

Лишь нижняя строка состояла из вполне узнаваемых арабских цифр, указывающих текущую дату и время:

«1941-09-18 21-05-12-8379 +70».

Экспериментаторы настороженно огляделись вокруг, но больше ничего удивительного не произошло, и таинственный человек так и не появился. Выждав еще пару минут, Сталин задумчиво поинтересовался:

— Лаврентий, а где шкатулка хранилась триста лет назад?

— После Смуты артефакт отправили охранять западную границу страны, как раз в те места, где он изначально появился. Патриархи неодобрительно относились к святыне языческого происхождения, и его не решались держать в Москве. Долгое время шкатулка хранилась в Никольской церкви, расположение которой достоверно неизвестно. Она находилась то в Смоленской губернии, то в Тверской, а то и вовсе в Псковской. Но совершенно точно известно, что последние сотни лет, вплоть до самой революции, предмет не перемещали.

— Что это еще за странствующая церковь такая? Сплошная мистика.

— Дело не в мистике, товарищ Сталин. Просто в тех глухих местах вокруг лишь леса и болота, поэтому границы между губерниями точно не межевали, а наносили на карту как бог на душу положит. Поэтому я могу указать только примерный район в верховьях Западной Двины.

— У Западной Двины? — Верховный побагровел и на миг даже потерял самообладание. — Лаврентий, там же сейчас идут бои! Так что поторопись с поисками этого «посланца», очень тебя прошу.

Просьба Верховного означала гораздо больше, чем просто приказ, и нарком буквально пулей вылетел из кабинета. Сталин же еще немного постоял над странным предметом и со вздохом спрятал шкатулку в ящик стола:

— Очень интересно, — вполголоса пробормотал он. — Если перед революцией его доставали, то почему не использовали?

* * *

На западе, там, где медленно угасала заря, всю сверкало и грохотало. Очень похоже на новогоднюю ночь, когда во всех дворах пускают ракеты и взрывают петарды. Но ведь сейчас только сентябрь! Может быть, здесь празднуют какой-нибудь «день района», но откуда в этой глуши столько народа, чтобы устраивать грандиозный праздник? И вообще, куда это я попал?

Еще несколько минут назад я ехал в машине, размышляя о своих важных проблемах. Хотелось бы принять участие в реконструкции, которую проводит в ноябре военно-исторический клуб «Пехотинец», но, оказывается, сделать аутентичное обмундирование и снаряжение времен войны намного сложнее, чем средневековые доспехи. Увы, но похоже, что в этом году красноармейцем мне стать не суждено.

С древними эпохами намного проще — склепал одну кольчугу и можешь изображать в ней хоть викингов, хоть рыцарей или даже римлян. Как раз такая кольчужка сейчас была надета на меня под курткой. Пользуясь последними теплыми деньками бабьего лета, все клубы старались провести на природе свои игры и соревнования. Вот и я весь день провёл в подмосковном лесу с такими же любителями подраться старинным оружием, а утром меня уже ждали другие соревнования, готовившиеся недалеко от Питера.

Я очень спешил, поэтому, не оставшись на ужин, переделся в гражданское и приготовился к отъезду. Машина у меня была хотя и не новая, но недавно полированная, сверкала красивым черным цветом. Чтобы гармонировать с ней и выглядеть более стильно, я, перед тем как сесть за руль, обычно надевал черные брюки, рубашку и куртку. Все оружие и снаряжение было сложено в багажник. Короткую кольчугу, поддевавшуюся под пластинчатый доспех, я недавно переделал, сделав немного пошире и заменив часть колец. После переделки она стала удобнее, но чтобы к ней заново привыкнуть, ее следовало носить почаще. Поэтому, тщательно протерев кольчужку, я надел ее на рубашку, не забыв прикрыть курткой, чтобы на меня никто не таращился.

Чтобы успеть приехать пораньше и хоть немного отдохнуть, я самонадеянно решил срезать путь и теперь ехал по незнакомой дороге в спущавшихся сумерках. Задумавшись, я на секунду отвлекся от управления, а когда снова посмотрел на дорогу, увидел, что впереди появился туман, из которого бьет яркий свет фар. От резкого нажатия на тормоз машина развернулась и наполовину съехала на обочину, но аварии все-таки удалось избежать. Посидев с полминуты неподвижно и окончательно придя в себя, я с облегчением убедился в том, что ни в кого не врезался, и все закончилось хорошо. Но свет впереди горел по-прежнему. Вполне возможно, что там случилась авария и есть пострадавшие.

Прихватив с собой аптечку для оказания первой помощи, я поспешил вперед, принохиваясь, не пахнет ли разлитым бензином. Видимость в тумане была нулевая, и ориентироваться можно было только по яркому свету. Неудивительно, что в таких условиях водитель встречной машины остановился.

Медленно ступая мелкими шажками, я потихоньку приблизился к источнику света, недоумеваю, почему не видно очертаний автомобиля, как вдруг фары, если это были они, неожиданно выключились. Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно, что непонятный туман уже рассеялся, и заодно изменилась вся окружающая местность. Асфальтовое покрытие дороги исчезло, а ее место заняла грунтовка с огромными колдобинами. Моей машины тоже нигде не наблюдалось, хотя я не удивился бы, если бы она вдруг превратилась в телегу. А еще впереди, в том направлении, куда я собирался ехать, полыхали зарницы и раскатисто грохотал гром.

Чтобы оглядеться, я поднялся на ближайший холмик и с него бегло осмотрел окрестности, все больше изумляясь, настолько дикой и неухоженной стала местность. Что же касается «праздничного салюта», бушевавшего и на западе, и на юге, то, присмотревшись к нему внимательно, я буквально похолодел. Если ближайшие ко мне вспышки и можно было принять за разрывы петард и ракет, то зрелище, происходящее в нескольких километрах севернее, напомнило мне совсем другое. Так взрывались снаряды на горящем военном складе. Лет двенадцать назад на артиллерийских складах, расположенных недалеко от Волгограда, начался пожар, продолжавшийся несколько суток. Снаряды рвались не переставая, и ночью вспышки от взрывов были видны издали, прямо как сейчас. Да и грохот стоял примерно такой же.

Так, попробую взять себя в руки и составлю алгоритм действий. Чтобы разобраться в непонятной ситуации, надо сначала найти людей и спросить их, что же тут такое происходит. Вот только где можно разыскать местных жителей, если впотьмах ни одной деревушки не видно? Единственным зданием, находящимся в пределах видимости, была большая полуразрушенная церковь, и я решил пойти к ней. Авось, встречу кого-нибудь.

Неожиданно сквозь постоянный шум разрывов послышался слабый стон. Так как других планов у меня все равно не было, я поспешил в ту сторону, посмотреть, не нужна ли моя помощь. В слабом свете зари мне удалось разглядеть сидевшего на ящике раненого солдата, держащегося за окровавленную ногу и тихонько ругающего немцев. На нем была форма бойца Красной армии начала сороковых годов, и я облегченно вздохнул, догадавшись, что тут происходит:

— У вас тут что, тоже реконструкция?

— Никак нет, там бой идет, — устало объяснил красноармеец. — Я нес боеприпасы, но мне шальным осколком ногу задело.

— Я вам сейчас помогу.

— Не надо, товарищ, — решительно возразил боец, хотя из порванной брючины у него сочилась кровь. — Лучше отнеси патроны на передовую, а до медсанбата я сам как-нибудь доберусь.

Не слушая возражений, я достал из автомобильной аптечки бинт в стерильной упаковке, разрезал ножницами штанину и быстро обмотал раненую голень солдата. Спасибо приобретенному в ролевых играх опыту перевязки, он сейчас оказался весьма кстати.

— Похоже, перелома нет, так что сейчас возьмете палку и дойдете до медпункта. Только на раненую ногу не опирайтесь. А почему у вас нет индпакета, вы же могли кровью истечь?

— Еще в августе последние бинты израсходовали, — нахмурился от неприятных воспоминаний красноармеец. — А когда из окружения вы-

ходили, то все имущество пришлось оставить. Нам бы на формирование, но приходится фронт держать.

Окружение, фронт. Это я где или, вернее, когда? И тут меня посетила просто великолепная идея, как можно узнать текущую дату, не вызывая подозрений.

— Боец, а у вас сотрясения мозга нет? Сознание ясное?

— Так точно. А вы товарищ... уполномоченный? — Видимо, из-за кожаной куртки он принял меня за опера или особиста.

— Нет, меня еще не призвали. Старший лейтенант запаса Андреев. Давайте проверим ваше состояние. Назовите свое имя и сегодняшнюю дату. — Спрашивать о номере части я поостерегся, все-таки военная тайна.

— Федоров я, Василий. А сегодня 18 сентября 1941 года.

— Вот как. — Мои подозрения, к сожалению, оправдались. — Ну хорошо, а теперь поспешите в санчасть, а я займусь боеприпасами.

Федоров заковылял в медсанбат, опираясь на палку, а я схватил тяжеленный ящик, взвалил на плечо и зашагал в сторону передовой. Произошедшее было для меня некоторым шоком, хотя надо признать, не очень сильным. Прочитав не один десяток книг про попаданцев, я не относился к происходящему как к чему-то невероятному. Вопросов, что делать, тоже не возникло. Надо помогать своей стране. Вот только как? Если бы у меня имелся мобильник или еще какие-нибудь устройства из будущего, то все было бы просто. Но все электронные устройства остались в машине, а без них мне никто не поверит. Значит, вариант «всезнающего советника» Верховного отпадает. Что еще остается? Устроиться где-нибудь на завод или в КБ я не могу, навыков работы без компьютера у меня, конечно, нет. Отсутствие документов еще можно попытаться свалить на войну и эвакуацию, но тот факт, что я ничего не умею делать, мне не скрыть. Впрочем, как и большинству нормальных людей, мне не хочется отсиживаться в тылу, пока идет война. А значит, остается только один путь — на фронт. Ну что же, вот как раз туда я и иду.

Теперь надо решить, воевать ли мне рядовым бойцом, или претендовать на место командира. Хотя я и отучился на военной кафедре, и даже отслужил в армии, но насчет своих способностей никаких иллюзий не питал. Те немногие теоретические знания, которые у меня когда-то имелись, давно выветрились из памяти. А практических навыков не было и вовсе, так как во время прохождения службы я занимался чисто канцелярской работой на древних ЭВМ. Но с другой стороны, сейчас, в сорок первом, командирами рот ставят младших лейтенантов — вчерашних школьников, прошедших ускоренные курсы, а комбатами зачастую назначают выпускников техникумов, закончивших военную кафедру. Неужели я не дотягиваю до их уровня? Тем более что сейчас очень многие командиры действуют не очень грамотно: карты читать не умеют, ложные позиции, предусмотренные наставлениями, не строят. Боевого

опыта нет не только у меня, но и у большинства кадровых военных, не говоря уже о недавно призванных в армию. К тому же мое послезнание о войне должно неплохо помочь.

Правда, если я собираюсь стать комвзвода, то нужно учесть один важный момент: Нынешние уставы, в мое время безнадежно устаревшие, значительно отличаются от современных, и о них я ничего не знаю. Единственное, что твердо усвоил из книг, это не называть красноармейцев солдатами, а командиров — офицерами. Обычно на этом попаданцы и прокалываются. Так смогу я командовать или нет? Вопрос остается открытым, и над ним надо хорошенько поразмыслить.

Впрочем, хорошая физическая нагрузка, выражавшаяся в таскании тяжестей, и острый угол ящика, больно давящий на плечо, не давали мне слишком глубоко погрузиться в дебри самоанализа. К тому же быстро темнело, идти стало труднее и приходилось внимательно смотреть под ноги. Правда, постоянно появлялись яркие вспышки взрывов, но они слепили глаза, а потом быстро гасли, и потому скорее мешали, чем помогали освещать путь.

Вдруг что-то неприятно взвизгнуло совсем рядом со мной, и от ближайшего дерева отлетело облако щепок и кусочков коры. От неожиданности я споткнулся и чуть не уронил свою ношу. Хорошо еще, что я недавно ходил в туалет, а то мог бы случиться маленький конфуз. После такого стресса, когда ты чуть не погиб, люди или впадают в апатию, или же у них происходит выброс адреналина в крови. К счастью, мой организм, натренированный боевыми играми с жесткими правилами, выбрал второе, и я ринулся вперед с удвоенной энергией и с притупленным чувством страха.

По мере приближения к месту сражения взрывы становились все громче, и уже стал слышен посвист пуль над головой, так что пришлось переместить ящик с плеча на спину и идти дальше пригнувшись. Но вот, наконец, линия окопов, кое-где перерытая воронками. Добравшись до нее, я с облегчением спрыгнул вниз. Теперь есть хоть какая-то защита от визжащих то и дело осколков. Вылезать наверх мне решительно не хотелось, и я пробежался вдоль траншеи в поисках хода сообщения, ведущего дальше. К счастью, бойцы, копавшие линию обороны, ничего не забыли, и ход, ведущий в нужном направлении, быстро нашелся. Он был не очень глубоким, и идти все равно пришлось пригнувшись. Сообразив, что прикрываться от пуль и осколков ящиком с боеприпасами все-таки не стоит, я переместил его вперед. Идти согнувшись, прижимая к себе тяжелый и неудобный груз, было трудно, но мои мучения скоро закончились. После очередного поворота ход сообщения пересекался с окопом, в котором находились люди в красноармейской форме, стреляющие из длинных винтовок времен войны.

— Бойцы, принимай патроны, — задыхаясь от бега, прохрипел я.

Оглянувшись на меня, красноармеец с сержантскими треугольниками в петлицах подозвал ближайшего солдата:

— Сидоров, быстро тащи пулеметчикам.

Боец избавил меня от ящика, недовольно буркнув:

— Давай сюда, ну кто так держит. — И радостно побежал с ним к пулеметному расчету, смачно комментируя вслух, что они сейчас такого устроят немцам.

Сержант вопросительно посмотрел на меня, и я громко, чтобы меня было хорошо слышно в таком грохоте, прокричал:

— Старший лейтенант запаса Андреев. В армию пока не призван. Оказался здесь случайно и встретил вашего раненого бойца Федорова.

— Младший сержант Стрелин, — представился в ответ собеседник. — Я вижу, вы без оружия, но ничего. Винтовки у нас есть, так что если можете, присоединяйтесь.

После короткого осмотра места событий стало ясно, что противник ведет наступление превосходящими силами. Сейчас немцы залегли и обстреливают нас издалека. Метрах в трехстах впереди горел подбитый танк с башней необычной формы. К счастью, других танков здесь не было, но недалеко от него стоял полугусеничный броневик, который поливал наши позиции огнем из пулемета.

С нашей стороны отвечала только редкая цепочка винтовочных вспышек, и лишь в двух местах строчили пулеметы, да изредка хлопал миномет. Плохо, что огневой поддержки у нас так мало. Этого явно недостаточно для полноценного боя. Но ведь танк же из чего-то подбили! Если бы он наехал на мину, то, скорее всего, просто потерял бы гусеницу, а не горел так красиво.

— У вас пушки есть? — крикнул я в ухо сержанту.

— Там две, — он махнул рукой, — их еще в начале боя накрыло.

— Пойдем, глянем, может, из них еще можно стрелять.

Младший сержант кивнул, и мы с ним побежали, пригибаясь, по ходу сообщения, который привел нас к орудиюному дворику, разделенному валиком на две части. Пушки, как я и предполагал, были маленькими сорокапятками. Странно, что их разместили так близко друг от друга, ведь расчеты обоих орудий можно было накрыть одним выстрелом. Да, видимо, так и произошло. На краю площадки лежали тела трех убитых артиллеристов, но раненых не было, видимо, санитары уже успели их унести.

Одна из пушечек, направленная на танк, была присыпана землей, с наполовину оторванным нижним щитком. Я быстро, насколько это возможно в сумерках, осмотрел ее, надеясь, что основные механизмы уцелели. К сожалению, накатник у нее был мокрый, а это означало, что масло из тормоза отката вытекло, и стрелять из пушки уже нельзя.